

Научная статья

УДК 94+378

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-148-164

EDN: FDGDEW

«ЧЕРКЕССКИЕ» НАРРАТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ ГРУЗИИ (2011–2021)

Максим Валерьевич Кирчанов

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия,
maksymkyrchanoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Аннотация. Цель этого исследования – анализ черкесского измерения современной грузинской политики памяти. Проанализированы основные векторы и траектории развития черкесских нарративов в современном мемориальном каноне Грузии. Новизна исследования состоит в анализе практик и стратегий, используемых грузинскими интеллектуалами в рамках функционирования черкесских нарративов в современном мемориальном каноне Грузии как элемента политики памяти. В статье проанализированы 1) роль политических элит и средств массовой информации в формировании черкесских нарративов в политике памяти, 2) особенности перформативного поворота в исторической политике продвижения черкесских образов, 3) роль черкесских нарративов в «войнах памяти». В статье показан как консолидирующий, так и конфликтогенный потенциалы черкесского измерения в грузинской исторической политике. Проанализирована роль государственных органов власти и средств массовой информации как основных участников политики памяти и форматоров мемориального канона. Предполагается, что черкесские нарративы в современном мемориальном каноне имеют преимущественно символическое значение для решения внутренних политических задач, так как реальное влияние Грузии в регионе минимизировано внешними факторами. Результаты исследования показывают, что черкесские нарративы в грузинской политике памяти стали элементом идеологической легитимации элит и продвижения концепта особой роли Грузии на Кавказе, а также формирования версий памяти, которые альтернативны восприятию черкесских образов в российском историческом воображении.

Ключевые слова: Грузия, историческая политика, политика памяти, «черкесские» нарративы, мемориальный канон, войны памяти

Для цитирования: Кирчанов М.В. «Черкесские» нарративы в современной политике памяти Грузии (2011–2021) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 148–164. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-148-164. EDN: FDGDEW.

© Кирчанов М.В., 2022

Original article

"CIRCASSIAN" NARRATIVES IN THE MODERN POLITICS OF MEMORY IN GEORGIA (2011–2021)

Maksym V. Kirchanov

Voronezh State University, Voronezh, Russia, maksymkyrchanoff@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Abstract. This study analyzes the Circassian dimension in the modern Georgian politics of memory. The author analyzes the main vectors and trajectories of the development of Circassian narratives in the modern memorial canon of Georgia. The novelty of the study lies in the analysis of the practices and strategies used by Georgian intellectuals within the framework of the functioning of Circassian narratives in the modern memorial canon of Georgia as an element of the politics of memory. The article analyzes 1) the role of political elites and the media in the formation of Circassian narratives in the politics of memory, 2) the features of the performative turn in the historical policy of promoting Circassian images, 3) the role of Circassian narratives in the “wars of memory”. This article shows both the merging and conflict potential of the Circassian dimension in Georgian historical politics. The author analyzes the roles of state authorities and the media as the key participants in the policy of memory and formatters of the memorial canon. It is assumed that the Circassian narratives in the modern memorial canon are predominantly symbolic for solving internal political problems, since external factors minimized the real influence of Georgia in the region. The results of the study show that the Circassian narratives in the Georgian politics of memory became an element of the ideological legitimization of the elites and the promotion of the concept of Georgia’s special role in the Caucasus, as well as the formation of alternative versions of memory to the perception of Circassian images in the Russian historical imagination.

Keywords: Georgia, historical politics, politics of memory, "Circassian" narratives, memorial canon, wars of memory

For citation: Kirchanov M.V. "Circassian" narratives in modern politics of memory in Georgia (2011–2021). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 2. – P. 148-164. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-148-164. EDN: FDGDEW.

© Kirchanov M.V., 2022

Введение

«Историческая политика», известная в современной историографии как «политика памяти», на современном этапе развития общества относится к числу проблем, чье изучение представляется особенно актуальным и важным, так как мы наблюдаем очередную волну идеологизации истории и ее использования в политических целях правящими элитами или различными политическими группами. Подобные явления в научной литературе изучаются в исследованиях, сфокусированных именно на политике памяти. Под исторической политикой или политикой памяти в современной российской историографии понимается «набор приёмов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие» [Миллер 2009: 6].

В научной литературе, сфокусированной на изучении взаимозависимости исторической памяти и идеологической конъюнктуры, политика памяти может восприниматься, описываться и изучаться как почти исключительно европейское явление. Поэтому в большинстве исследований по данной проблематике явление исторической политики ограничивается почти исключительно центрально-европейскими и восточноевропейскими государствами. В современной историографии европейские примеры политики памяти претендуют на статус классических, так как именно эти страны поставили исторические исследова-

ния и формирование нового «мемориального канона» на службу интересам элит, что привело к созданию специальных «институтов памяти».

Политические элиты Грузии активно используют ресурсы исторической политики для консолидации общества и формирования нового мемориального канона. Последний в одинаковой степени основан на ревизии советского прошлого, последовательном антикоммунизме и декоммунизации исторического наследия. Эти тенденции сочетаются с гражданским и этническим национализмом. По всем этим показателям современная грузинская историческая политика мало чем отличается от политики памяти в других постсоциалистических обществах, актуализируя общие тенденции, характерные для идеологически мотивированных экспансий в сферу истории со стороны правящих политических элит.

Цель и задачи статьи. В центре авторского внимания в представленной статье будут проблемы исторической политики в современной Грузии. В силу того, что современная грузинская историческая культура памяти включает несколько уровней, в данной статье автор ограничился анализом только «кавказских» нарративов в современной грузинской исторической политике. В данном случае под последними понимаются «черкесские» нарративы, используемые для актуализации «кавказского» измерения в грузинской культуре исторической памяти. Целью статьи является изучение «черкесских» образов как элемента исторической политики Грузии, которая активно эксплуатирует «кавказское» измерение исторического воображения, активно применяемого в рамках форматирования коллективной памяти и формирования нового «мемориального канона». В число задач статьи входит анализ функционирования «черкесских» образов в политике памяти, а также изучение стратегий их актуализации и визуализации в рамках «проработок прошлого», имеющих место в Грузии.

Методология. С точки зрения методологии статья принадлежит к числу тех работ современной российской историографии, которые актуализируют достижения мемориального поворота [Леонтьева 2015], ставшего следствием роста исследовательского интереса к различным множественным культурам исторической и социальной памяти [Колосовская, Ткаченко 2020]. Поэтому методологически представленная статья актуализирует общие тенденции, выявленные в предшествующей историографии при изучении конструирования образов прошлого [Шапинская 2019], действия механизмов коллективной амнезии и преднамеренной актуализации тех или иных моментов в исторической памяти в ущерб другим. Позиционируя статью в рамках направления, порожденного в историографии мемориальным поворотом, автор считает необходимым указать на то, что ее объектом является не коллективная память в теоретическом плане, но ее дискурсивные и нарративные проявления, представленные идеологически мотивированными применениями прошлого для решения актуальных политических задач. Поэтому «черкесские» нарративы в статье редуцируются до дискурсивного проявления «мемориального» в современной грузинской интеллектуальной ситуации. С точки зрения методологии, данная статья близка к интеллектуальной истории, продолжая, в частности, предположения, высказанные В.А. Шнирельманом [Шнирельман 2003]. Исследовательские принципы исто-

рии идей оказываются продуктивными в рамках изучения политики памяти, так как конструирование образов прошлого неэффективно без привлечения интеллектуалов как участников воображения прошлого, так и ревизии истории, что проявляется в деконструкции доминировавших ранее представлений, вытесняемых новыми версиями исторической памяти, представленной в форме компромиссного «мемориального канона».

Историография. Проблемы исторической политики и ее отдельные проявления в Восточной и Центральной Европе изучаются в российской историографии неравномерно [Семененко 2020]. Вопросы политики памяти в Грузии [Кирчанов 2016] и на Кавказе относятся к числу изученных незначительно [Кирчанов 2020 а]. Этому способствует языковой барьер, недоступность большинства оригинальных источников историкам в России и определенная периферийность грузинской версии «проработки прошлого» в сравнении с аналогичными европейскими сюжетами, в большей степени привлекающими внимание отечественных исследователей. Поэтому отражение «кавказского» опыта исторической политики в Грузии в современной российской историографии представлено менее заметно в сравнении с другими национальными формами политики памяти, более активно изучаемыми в современной российской исторической науке [Kirchanov 2013; Кирчанов 2020 б; Кирчанов 2021; Нечаев, Леонова 2021; Маркедонов 2015].

«Кавказские» нарративы грузинской исторической политики

Кавказские образы неоднозначны и гетерогенны, будучи представлены кавказскими нарративами в целом, северокавказскими образами и попытками сконструировать «собственный» Кавказ Грузии, редуцированный до Южной Осетии и Абхазии. Кавказские образы в историческом воображении Грузии в своем развитии прошли несколько этапов от доминирования в литературе и академической историографии до миграции в современные средства массовой информации, которые стали основной формой и пространством реализации исторической политики. Наличие кавказских нарративов в исторической политике связано с развитием современного грузинского национализма – поэтому образы Кавказа в политике памяти Грузии интерпретируются в картвельской системе политических и культурных координат, что связано со значительной ролью этнической компоненты в современной истории грузинского национализма. Наличие кавказских образов в современной грузинской политике памяти подчинено решению политических задач, связанных одновременно с формированием позитивного образа Грузии, продвижением ее образа как жертвы и негативного образа России, которая одновременно позиционируется как страна, покусившаяся на суверенитет Грузии над ее отдельными регионами и на права населения северокавказских республик.

Распад СССР и появление новых государств, по мнению К. Аймермахера и Г. Бордюгова, привели к тому, что «люди стали пересматривать прежние представления о самих себе, столкнулись с сосуществованием старых и новых идентичностей, в том числе национальных. Это вызвало кризис самосознания и далеко не всегда рационально контролируемые политические проекции» [Аймер-

махер, Бордюгов 2003: 14]. В грузинской исторической памяти одной из такой актуализировавшихся проекций стали кавказские образы, которые было необходимо локализовать в рамках мемориального канона и грузинской культуры памяти. Таким образом, функционирование кавказских нарративов в современной политике памяти Грузии подчинено формированию определенных интерпретаций истории Кавказа, таких версий исторической памяти и коллективных представлений о прошлом, которые не только соответствовали идеологическому запросу правящих элит, но и доказывали бы их легитимность, в первую очередь – в глазах собственных граждан.

Предпосылки институционализации «черкесского» в грузинском мемориальном каноне (2010–2011 гг.)

«Кавказское» в грузинской политике памяти не ограничено только теми образами, которые в исторической политике воспринимаются как внутренние, то есть связаны с образами Южной Осетии и Абхазии. В грузинской мемориальной культуре особое внимание уделяется северокавказским образом, что связано с российско-грузинскими «войнами памяти», в рамках которых формируется негативный образ России в то время, как имидж Грузии позиционируется в принципиально иной системе координат. Поэтому Сакартвело воспринимается как идеальная модель свободы, хотя такие интерпретации в большей степени имеют отношение к политике и идеологии, что превращает представления о прошлом в компонент политических манипуляций, проводимых в рамках исторической политики или политики прошлого.

На протяжении XX в. политические элиты не имели потребности в подобных «проработках» истории, так как вполне надежно контролировали историографический дискурс при помощи цензурных и идеологических ограничений. Комментируя политизацию истории в XX столетии, грузинский историк Реваз Коява подчеркивает, что «в Советском Союзе переосмысление прошлого было особенно актуально для историков. Они чувствовали себя обязанными создавать версии истории, которые повышали бы престиж их республик или этнических групп... этнонационализм, видимый или невидимый, всегда существовал в видении истории и был свойственен историкам, работавшим в различных республиках... создаваемые ими этноцентрические версии истории оказывали глубокое воздействие... активизируя этническое самосознание и формирование идентичности»¹.

В начале XXI в. подобные стратегии утратили свою актуальность и эффективность в условиях исчезновения монополии академического сообщества формировать и воспроизводить исторические нарративы. По мнению российских исследователей Г. Бордюгова и В. Бухарева, «сервильность историков не требует особых комментариев» [Бордюгов, Бухарев 2003: 63], а склонность элит редуцировать академическую историографию до политики памяти актуализировала склонность отдельных общественных активистов и средств массо-

---

¹ ქოიავა რ. ქართულ-ავხაზური მემსიერების ომები: მითები და პოლიტიკა // Regional Dialogue. 2021. დეკემბერი 9. URL.: <http://regional-dialogue.com/geo-abk-memory-politics/> (дата обращения: 5.04.2022)

вой информации как основных участников исторической политики в еще большей степени актуализировала сервизм политики памяти. Поэтому историческая политика, осуществляемая общественными активистами и выражающаяся преимущественно при помощи средств массовой информации, начинает выполнять перечисленные выше функции, что проявляется, в том числе, и в «кавказских» нарративах, занимающих особое место в современном мемориальном каноне Грузии. Грузинский мемориальный канон в отношении Северного Кавказа основан на продвижении идеи, что грузины, как и народы региона, боролись за свободу, а их основным конкурентом была Российская империя, образ которой формируется в негативной системе координат, актуализируя качества Инаковости.

Особое внимание в рамках продвижения «кавказского» измерения в грузинской исторической политике уделяется черкесам. Политика памяти в современной Грузии основана на восприятии черкесов в качестве жертв агрессии со стороны России. Состав участников грузинской исторической политики на черкесском направлении относительно разнообразен. В формирование соответствующих нарративов вовлечены средства массовой информации, политические активисты и органы государственной власти. Например, в 2010 г. отдельные черкесские активисты обратились в парламент Грузии с просьбой признать факт совершения геноцида Российской империей. Нугзар Циклаури, председатель в 2010 г. комитета по связям с диаспорой, отреагировал на это, указав на то, что для Грузии важна «тысячелетняя связь с народами Кавказа, которая должна продолжаться для грузинского народа»¹.

Институционализация «черкесского» в грузинской политике памяти

13 мая 2011 г. парламентский комитет по вопросам диаспоры и Кавказа рассматривал вопрос «геноцида черкесов». 20 мая 2011 г. Парламент Грузии принял Постановление «О признании геноцида черкесов Российской империей». Постановление стало важным элементом политики памяти в Грузии, так как формировало негативный образ России, продвигая нарратив о том, что «политическое и военное руководство Империи заранее спланировало и впоследствии осуществило этнические чистки на территориях черкесов», в результате чего «более 90 % черкесского населения было физически уничтожено или изгнано с родины в результате многочисленных карательных военных экспедиций и искусственно инсценированных ситуаций голода и эпидемии, направленные на физическое уничтожение черкесов»². Таким образом, парламентское постановление определило основные векторы развития кавказской компоненты в политике памяти, включая как актуализацию особой роли Грузии в защите эт-

¹ ლიკლიკაძე კ. ჩერქეზები მათი გენოციდის აღიარებას ითხოვენ // რადიო თავისუფლება. 2010. მარტი 22. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/1990404.html> (дата обращения: 5.04.2022)

² საქართველოს პარლამენტის რეზოლუცია. რუსეთის იმპერიის მიერ ჩერქეზთა გენოციდის განხორციელების აღიარების შესახებ. თბილისი, 2011 წლის 20 მაისი. №4701-IX // საქართველოს საკანონმდებლო მაცნე. 2011. მაისი 20. URL.: <https://www.matsne.gov.ge/ka/document/view/1333945?publication=0> (дата обращения: 5.04.2022)

нических групп, так и формирование негативного образа России, позиционируемой в качестве угрозы той модели Кавказа, которая представлена в современном грузинском «мемориальном каноне».

Локализация «черкесского» как элемента именно грузинской исторической памяти стала попыткой преодоления советского наследия, так как еще до распада СССР на Кавказе «расцвела и молчаливо поощрялась местными партийными властями практика создания “оригинальных” версий прошлого своего народа – с непременным возвеличиванием его роли – за счёт соседних этносов» [Гатагова 2003: 263]. Поэтому благодаря усилиям как грузинских, так и некоторых северокавказских активистов в мемориальном каноне Грузии была принята попытка ревизии более ранних нарративов в направлении актуализации именно грузинской роли в региональном историческом процессе. Поэтому доминирующей стала точка зрения, согласно которой, во-первых, от российской политике пострадала не только Грузия, но и «сотни тысяч кавказских мусульман погибли в результате политики Российской империи, что означало насильственное изменение демографии». Во-вторых, активно продвигается нарратив, что до момента присоединения к России «черкесы жили по всему Черноморскому побережью России – от Анапы до Абхазии и на восток до границы с Чечней. В-третьих, предполагается, что в период Кавказской войны черкесы «оказали сопротивление русским и не позволили им двигаться на юг, но история черкесов в этом регионе все же закончилась в 1864 году, когда армия Александра II завоевала Кавказ»¹. В-четвертых, актуализируется негативный образ России, так как российская администрация вынудила черкесское население покинуть его исконные территории и переселиться на территорию Османской империи, что сопровождалось демографическими потерями. В целом, подобные интерпретации истории преимущественно политизированы и в значительной степени подвержены влиянию со стороны идеологии, но эта ситуация не уникальная для Грузии, так как большинство постсоветских обществ подверглись «гипертрофированной политизации» [Саганович 2010 а: 227].

В продвижении именно такой версии исторической памяти в Грузии активное участие принимают и университетские интеллектуалы. Например, Мераб Чухуа явно распространял на черкесов универсальные стратегии формирования образа жертвы, подчеркивая, что «более 20 процентов всего черкесского населения было убито. Это был ярко выраженный геноцид... У Грузии есть шанс восстановить справедливость и почтить память миллионов жертв и сотен убитых черкесов»². Таким образом, черкесы включаются в стратегии виктимизации, которые одновременно используются в собственной грузинской политике памяти, формируя образ Сакартвело как жертвы Российской империи и Советского Союза. Поэтому, черкесские нарративы в современной исторической

---

¹ თარხნიშვილი ნ. სამეცნიერო დასკვნის მიხედვით, ჩერქეზები გენოციდის მსხვერპლნი არიან // რადიო თავისუფლება. 2011. მაისი 13. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/24107647.html> (дата обращения: 5.04.2022)

² თარხნიშვილი ნ. სამეცნიერო დასკვნის მიხედვით, ჩერქეზები გენოციდის მსხვერპლნი არიან // რადიო თავისუფლება. 2011. მაისი 13. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/24107647.html> (дата обращения: 5.04.2022)

памяти в значительной степени мифологизированы в силу того, что мифы «как способ и форма сохранения и расширения знаний о прошлом бесспорно принадлежат к коллективной памяти» [Саганович 2012: 219], в том числе – о кавказском характере грузинской исторической традиции, что позволяет активистам исторической памяти позиционировать именно Грузию как защитника истории черкесов.

Поэтому 20 мая 2011 г. Парламент Грузии выступил с резолюцией, которая признавала со стороны современного грузинского государства геноцид черкесов со стороны Российской империи. Превращение парламента в интерпретатора исторических событий указывает на то, что в подобных ситуациях «профессиональная историография все меньше влияет на историческое сознание общества» [Саганович 2013: 185]. Резолюция стала важным элементом в исторической политике памяти, направленной на закрепление за черкесами особого места в мемориальном каноне как одних из жертв России, что в целом соотносилось с логикой грузино-российского конфликта памяти. Русудан Кервалишвили, вице-спикер парламента в 2011 г., определила признание геноцида как защиту истории и исторической памяти народов Кавказа¹. 1 июля 2011 г. грузинский парламента принял Постановление № 4989 «Об увековечивании памяти жертв геноцида Черкесский народ Российской империей»², что стало вторым структурообразующим элементом черкесского измерения в «кавказской» исторической политике Грузии.

Если «историки как авторы исторического нарратива "изобретают" традиции, на которых и возникают коллективные идентичности» [Саганович 2010 b: 89], то политические элиты могут эти нарративы успешно инструментализировать, что, например, проявилось в интеграции черкесских нарративов в тот инструментарий, который используется политическими элитами для консолидации общества. В 2011 г. на заседании парламента в рамках рассмотрения вопроса о геноциде черкесов были приглашены представители черкесских организаций, которые внесли свой вклад в функционирование кавказских образов в грузинской исторической памяти, подчеркнув, что «наша страна исчезла с карты мира 147 лет назад и ее там нет до сих пор. Более 90 процентов нашего народа изгнано со своей земли и не может вернуться на родину. Признание геноцида станет началом нашего возвращения, нашего возрождения, нашей надежды»³, что в целом вписывалось в логику функционирования мемориального канона, одной из основных стратегий которого стала мифологизация прошлого через виктимизацию, формирование и последовательное продвижения образа жертвы.

---

¹ თარხნიშვილი ნ. საქართველოს პარლამენტმა აღიარა ჩერქეზთა გენოციდი // რადიო თავისუფლება. 2011. მაისი 20. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/24181508.html> (дата обращения: 5.04.2022)

² ბატიაშვილი ზ. საქართველოს მიერ ჩერქეზთა გენოციდის აღიარების საკითხი და მისი ასახვა თურქეთში // თბილისი Post. 2021. მაისი 5. URL.: <https://tbilisipost.ge/news/zurab-batiashvili---saqartvelos-mier-cherqezta-genoidis-aghiarebis-sakitkhi-da-misi-asakhva-turqetshi/4147> (дата обращения: 5.04.2022)

³ თარხნიშვილი ნ. საქართველოს პარლამენტმა აღიარა ჩერქეზთა გენოციდი // რადიო თავისუფლება. 2011. მაისი 20. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/24181508.html> (дата обращения: 5.04.2022)

Черкесский культурный центр как институт памяти в исторической политике Грузии

Именно для этих целей в Тбилиси в октябре 2011 г. был создан Черкесский культурный центр, призванный консолидировать «кавказские» уровни в современной грузинской исторической политике. В открытие Центра приняли участие как власти Грузии, так и представители черкесской диаспоры, которые оказались солидарны в том, что изучение истории и культуры черкесов в общекавказском контексте¹ может содействовать развитию диалога и формированию новых компромиссных версий памяти, которые синтезировали бы раннее сложившиеся нарративы.

Предполагалось, что в рамках политики памяти Центр, созданный в силу того, что «народы Грузии и Северного Кавказа объединяет языковое и генетическое родство, культурно-традиционное единство и многовековая история двусторонних контактов»², будет проводить «проработку прошлого» путем популяризации истории и культуры черкесов, других народов Северного Кавказа и активизации диалога между грузинскими и другими кавказскими интеллектуалами. Такая ситуация в современной Грузии стала следствием нестабильности того мемориального канона, который на протяжении постсоветского периода сложился в обществе.

В связи с этим Заза Бибилашвили подчеркивает, что в грузинском обществе «память никогда не была нашей сильной стороной. Хуже того, мы не хотим, чтобы она когда-либо менялась... Память – это ответственность и усилия. Память – это фильтр, предлагающий естественные ответы на повседневные политические дилеммы. Ответы, которые не всегда желательны и удобны. Память – это стандарт для нашего коллективного «я», от которого мы не должны отставать... Память – это мышление, точнее – элементарный здравый смысл»³. Память в мемориальном каноне современной Грузии склонна подвергаться мифологизации в силу того, что «мифы – это не только компонент исторического сознания. Мифы, как и сама историческая наука, в равной степени формируют историческое сознание и национальную традицию» [Маркава 2012: 186]. Подобное восприятие коллективной исторической памяти в Грузии сталкивается с попытками его ревизии, так как этническая компонента является определяющим фактором как функционирования памяти, так и формируемого в ее рамках мемориального канона, актуализирующего, в том числе, и кавказские нарративы, в меньшей степени подверженные интеграции в концепты гражданской памяти нации как сообщества. Поэтому «кавказское» оказывается в меньшей степени интегрируемым в «здравый смысл» в отличие от их востребованности этническим национализмом.

¹ თარხნაშვილი ნ. გაიხსნა ჩერქეზთა კულტურის ცენტრი // რადიო თავისუფლება. 2012. თებერვალი 16. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/24486077.html> (дата обращения: 5.04.2022)

² დიასპორისა და კავკასიის საკითხთა კომიტეტმა ჩერქეზული კულტურის ცენტრის დირექტორს, მერაბ ჩუხუას მოუხმინა // იმედი. 2020. სექტემბერი 30. URL.: <https://imednews.ge/ge/sazogadoeba/165005/diasporisa-da-kavkasiis-sakitkhta-komitetma-cherqezuli-kulturis-tsentris-direqtors-merab-chukhuas-mousmina> (дата обращения: 5.04.2022)

³ ზიზილაშვილი ზ. რაც გინახავს, ისევ ნახავ! // ჭავჭავაძის ცენტრი. 2020. ოქტომბერი 19. URL.: <http://chavchavadzecenter.ge/en/blog/365-rac-ginaxavs-isev-naxav> (дата обращения: 5.04.2022)

«Черкесское» как фактор «войн памяти»

Активность в сфере пересмотра исторической памяти стала стимулом для обострения грузино-абхазских «мемориальных» войн, содействуя также росту противоречий между Грузией и Россией в сфере исторической политики и памяти. Российско-американский историк Н. Копосов определяет мемориальные войны как «конфликты партикулярных идентичностей и исторических памятней разного рода “воображаемых сообществ”» [Копосов 2013: 68]. Именно поэтому склонность грузинской стороны продвигать историю в общественные и социальные пространства не только указывает на активность активистов, вовлечённых в политику памяти, но и служит поводом для обострения мемориальных противоречий с их оппонентами в России, которые склонны развивать другие версии мемориального канона.

Непонимание со стороны российских активистов политики памяти встречают попытки монументализации темы принуждения, насилия и подавления, предпринимаемые Тбилиси, по инициативе которого, например, 21 мая в городе Анаклия был открыт мемориал в память о черкесах¹, погибших или высланных в результате присоединения региона к Российской империи². Сослан Салакая, заместитель директора Института гуманитарных исследований (Сухуми), критически отзывается о деятельности Черкесского культурного центра³, так как в активности грузинской стороны склонен видеть стремление сформировать альтернативный абхазскому канону исторической памяти. Кроме этого, абхазская и грузинская версии политики памяти фактически стали попыткой разделения черкесов между политическим проектом Абхазии и Грузии, так как в период грузино-абхазского конфликта многие черкесы воевали на стороне абхазов⁴.

В такой ситуации попытки грузино-черкесского «мемориального» сближения воспринимаются со стороны Сухуми крайне негативно. Абхазские и северокавказские интеллектуалы, как правило, игнорируют инициативы Черкесского культурного центра, направленные на ревизию более ранних версий исторической памяти в силу того, что «гуманитарные науки являются интерпретирующими дисциплинами» [Досс 2013: 10]. Подобные интерпретации и реинтерпретации в рамках политики памяти могут становиться объектом ревизии, которая не всегда протекает безболезненно, стимулируя «войны памяти». «Кавказское» в исторической политике Грузии стимулирует мемориальную конфронтацию с Абхазией. Грузинский историк Малхаз Тория полагает, что мемориальные практики современных грузинских интеллектуалов основаны на признании гетерогенного характера Кавказа в то, время как абхазские активисты

¹ წულაძე ზ. ჩერქეზთა გენოციდის 155-ე წლისთავი // ამერიკის ხმა. 2019. მაისი 30. URL.: <https://www.amerikiskhma.com/a/cherkasian-genocide-155-years/4938641.html> (дата обращения: 5.04.2022)

² ტუცგოვას ლ. 21 მაისი ჩერქეზეთის დამოუკიდებლობისთვის დაღუპულთა ბრძოლის დღეა // ჩერქეზული კულტურის ცენტრი. 2019. მაისი 17. URL.: <http://circassiancenter.org/permalink/90799.html> (дата обращения: 5.04.2022)

³ სოხუმში მიაჩნიათ, რომ თბილისში არსებული ჩერქეზული ცენტრი ეროვნებათშორის შუღლს აღვივებს // კვირა. 2015. ივლისი 25. URL.: <http://kvira.ge/194526>

⁴ უგულავა ს. ჩერქეზთა გენოციდის 150-წლიანი ისტორია // ტაბულა. 2011. მაისი 31. URL.: <https://tabula.ge/ge/news/542536-cherkezta-genotsidis-150-cliani-istoria> (дата обращения: 5.04.2022)

исторической памяти предлагают альтернативный «национальный проект, который ставит своей целью представить всю территорию региона как исторически моноэтнично-абхазское пространство и продолжить его этническую гомогенизацию в будущем»¹.

В этом контексте грузинская политика памяти в ее «кавказском» измерении на современном этапе в большей степени подчинена решению политических задач, связанных с формированием и продвижением представлений о грузинском обществе как социуме западного типа, признающим этническое и культурное многообразие. Актуализация, в свою очередь, альтернативного образа политики памяти Абхазии призвана в одинаковой степени продвигать негативный образ политического Другого, чья модель памяти основана на принципах этничности, а не нации как сообщества граждан. Мероприятия в рамках грузинской «кавказской» политики памяти содействуют разделению национальных мемориальных канонов Грузии и Абхазии через призму восприятия черкесского фактора в истории Кавказа.

Форум «Грузино-черкесские исторические и культурные отношения» и конференции «Исчезающие народы – неоконченные преступления: черкесы и народы Северного Кавказа между прошлым и настоящим»², «Проблемы этничности Джикети и проблема ее места в истории Грузии»³ были направлены одновременно на визуализацию Грузии в кавказском контексте и «кавказского» в грузинском историческом процессе.

Аналогичные протесты со стороны некоторых активистов Северного Кавказа вызывают попытки со стороны грузинских институций, вовлеченных в реализацию политики памяти, проводить Дни родного языка⁴ и специализированные мероприятия в сфере этнической моды⁵, призванные визуализировать черкесскую этничность, воспринимаемую в контексте грузинского культурного разнообразия, что приводит к актуализации коллективных травм, связанных с утратой идентичности и попытками Тбилиси монополизировать представление кавказских наций на международном уровне. В целом, «черкесское» в грузинской политике памяти стало частным случаем ее большого «кавказского» измерения.

¹ თორია მ. ეთნიკური ფესვებისკენ მიბრუნება, თუ განდევნის პოლიტიკა აფხაზეთში? // Civil.ge. 2017. ოქტომბერი 31. URL.: <https://civil.ge/ka/archives/219050> (дата обращения: 5.04.2022)

² ჩერქეზების გენოციდი // ლიბერალი. 2012. ივლისი 30. URL.: <http://liberali.ge/blogs/view/4436/cherqezebis-genotsidi> (дата обращения: 5.04.2022)

³ რეზოლუცია- ჯიქების ეთნიკური კუთვნილების პრობლემა და ჯიქეთი საქართველოს ისტორიაში // ჩერქეზული კულტურის ცენტრი. 2015. დეკემბერი 25. URL.: <http://circassiancenter.org/permalink/22052.html> (дата обращения: 5.04.2022)

⁴ კომიტეტის სხდომაზე ჩერქეზული კულტურის ცენტრის მიერ გაწეული საქმიანობის თაობაზე ინფორმაცია მოისმინეს // MediaMall. 2019. მარტი 14. URL.: <http://mediamall.ge/new/78241-komitetis-skhdomaze-cherqezuli--kulturis-centris-mier-gatseuli-saqmianobis-taobaze-informacia-moismines> (дата обращения: 5.04.2022)

⁵ ჩერქეზული სამოსის დევილე ეროვნულ ბიბლიოთეკაში // საქართველოს პარლამენტის ეროვნული ბიბლიოთეკა. 2019. ივნისი 19. URL.: https://www.nplg.gov.ge/geo/events/Cerqezuli_samosis_defile_erovnul_biblioTekaSi/4075 (дата обращения: 5.04.2022)

«Черкесское» в грузинской исторической политике: перспективы развития

По мнению болгарского историка Д. Крыстева, «обращение к прошлому является результатом стремления к терапевтической коррекции настоящего» [Кръстев 2003: 420], что превращает государство в вынужденного и неизбежного участника формирования «мемориального канона». Именно поэтому в политических и идеологических компаниях «проработки прошлого» участвуют и государственные служащие современной Грузии. Нугзар Циклаури, председатель парламентского комитета по связям с диаспорой и народами Кавказа, с одной стороны, подчеркивал, что открытие Центра станет «шагом навстречу сердцам черкесов, шагом навстречу другим кавказцам, чеченцам... шагом навстречу Кавказу в целом»¹. С другой, Мераб Чухуа, директор Центра и профессор Тбилисского государственного университета, полагал, что деятельность этой институции будет содействовать актуализации «кавказских» нарративов в грузинской исторической памяти, так как «центр будет пытаться вернуть Грузию то культурное пространство на Кавказе, которое она утратила, в результате чего черкесская культура потеряла свое место, как и ингушская, чеченская, дагестанская... центр будет местом, где черкесская культура, как и другие кавказские культуры, найдет себе пристанище»².

Аналогичное мнение было выражено и Мекой Хангошвили, одним из лидеров чеченской диаспоры в Грузии в начале 2010-х гг., который подчеркивал, именно кавказскую компоненту в деятельности Центра: «не имеет значения, будет ли открыт черкесский культурный центр в Грузии, или чеченской, ингушской или любой другой. Главное, что он будет делать кавказскую работу. Если мы выживем, то мы выживем только вместе»³. В этом контексте грузинская политика памяти претендовала на ревизию не только грузинской, но и других региональных историй, стремясь стать универсальной моделью для формирования новых мемориальных канонов для других кавказских народов, что в целом вписывалось в логику российского-грузинского исторического противостояния в контекстах войн памяти.

Грузинский историк Реваз Коява, комментируя спектр манипуляцией историей в обществе, полагает, что «если наше отношение к прошлому характеризуется определенной объективностью, то оно находится в процессе бесконечных изменений, которые заставляют нас вносить коррективы в оценку происходившего в прошлом или коренным образом пересматривать его»⁴. В такой ситуации ревизии в современной политике памяти Грузии подвергаются и «кавказские» нарративы. В рамках актуализации именно «кавказского» измерения исторической политики Культурный черкесский центр, начиная с конца

¹ ქვეანიშვილი ე. თბილისში დაარსდა ჩერქეზთა კულტურის ცენტრი // რადიო თავისუფლება. 2011. ოქტომბერი 19. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/24364471.html> (дата обращения: 5.04.2022)

² თარხნიშვილი ნ. გაიხსნა ჩერქეზთა კულტურის ცენტრი // რადიო თავისუფლება. 2012. თებერვალი 16. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/24486077.html> (дата обращения: 5.04.2022)

³ თარხნიშვილი ნ. გაიხსნა ჩერქეზთა კულტურის ცენტრი // რადიო თავისუფლება. 2012. თებერვალი 16. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/24486077.html> (дата обращения: 5.04.2022)

⁴ ქოიავა რ. ქართულ-ავხაზური მეხსიერების ომები: მითები და პოლიტიკა // Regional Dialogue. 2021. დეკემბერი 9. URL.: <http://regional-dialogue.com/geo-abk-memory-politics/> (дата обращения: 5.04.2022)

2010-х гг., начал проявлять большую активность в политически и идеологически мотивированной «проработке прошлого» в рамках пересмотра истории грузино-абхазских отношений¹.

Именно поэтому была озвучена идея создания специализированного Абхазского культурного центра². Лейтмотивом его деятельности должна стала актуализация идеи общности грузинской и абхазской историй в рамках общего кавказского контекста. Наибольшая актуализация таких нарративов в рамках «кавказского» измерения политики памяти в Грузии имела место в конце 2000-х – начале 2010-х гг., но постепенно их актуальность уступила место другим сюжетам, которые в мемориальном каноне оказались востребованы в большей степени, чем идеи «кавказской» солидарности. Это не означало полного исчезновения кавказских нарративов из политики памяти, которые изменились, будучи в большей степени адаптированы к требованиям консолидации именно грузинского общества, а не ее региональных амбиций в форме солидарности с другими народами Кавказа.

Выводы

«Черкесские» нарративы в современной политике памяти Грузии выполняют несколько функций, актуализируя одновременно идею о Кавказе как зоне потенциального культурного и политического грузинского влияния, с одной стороны, визуализируя также исторические мифы о былом величии Грузии, которая исторически была одним из ведущих государственных образований Кавказа.

Обращение грузинской исторической памяти к ее «черкесскому» как «кавказскому» измерению фактически является формой своеобразной коррекции прошлого, так как современная Грузия является глубоко периферизированной страной, чье региональное влияние чрезвычайно ограничено внешними акторами. Актуализация «черкесского» пласта в грузинской исторической политике в большей степени подчинено решению внутренних задач, связанных с трансляцией в общество нарративов о Грузии как о кавказском государстве, что призвано актуализировать приверженность элит защите национальных интересов, связанных с «возвращением» Абхазии и Южной Осетии.

«Черкесские» нарративы в грузинской политике памяти на актуальном этапе ее развития являются важными символическими компонентами формирования и консолидации «мемориального канона» Грузии, которая в силу негативной для нее внешнеполитической конъюнктуры утратила контроль над рядом собственных исторических территорий, что вынуждает элиты конструировать исторические «кавказские» образы в рамках современных идеологически мотивированных интервенций в прошлое с целью решения актуальных задач политической консолидации общества.

---

¹ კომიტეტის სხდომაზე ჩერქეზული კულტურის ცენტრის საქმიანობის შესახებ ინფორმაცია მოისმინეს // კვირა. 2021. დეკემბერი 15. URL.: <http://kvira.ge/714542> (дата обращения: 5.04.2022)

² “ქალები კავკასიიდან – ასმათ საღირისის სამყარო” – გამოფენა გაიხსნება // კვირა. 2019. თებერვალი 11. URL.: <http://kvira.ge/448368> (дата обращения: 5.04.2022)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аймермахер, Бордюгов 2003 – *Аймермахер К., Бордюгов Г.* «Свое» и «чужое» прошлое. Введение // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 14–17.

Бордюгов, Бухарев 2003 – *Бордюгов Г., Бухарев В.* Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 21–72.

Гатагова 2003 – *Гатагова Л.* Северный Кавказ: метаморфозы исторического сознания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 255–272.

Досс 2013 – *Досс Ф.* Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 9–56.

Кирчанов 2016 – *Кирчанов М.В.* "Политика прошлого" в современной Грузии, или как СМИ и публичные политики формируют коллективные представления о прошлом // Диалог со временем. – 2016. – № 56. – С. 374–395.

Кирчанов 2020 а – *Кирчанов М.В.* Историческая политика в национальных республиках Кавказа: коммеморативные практики как изобретенные традиции // Электронный журнал "Кавказология". – 2020. – № 1. – С. 219–236. – DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-219-236

Кирчанов 2020 б – *Кирчанов М.В.* "Цхинвальский регион" и "Автономная Республика Абхазия" как "места памяти" и изобретенные традиции в современном грузинском политическом воображении (2018-2019) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2020. – Т. 4. – № 3. – С. 327–333.

Кирчанов 2021 – *Кирчанов М.В.* Дихотомия "Европа – Россия" как изобретенная традиция современного грузинского национализма // Международная аналитика. – 2021. – Т. 12. – № 1. – С. 35–54.

Колосовская, Ткаченко 2020 – *Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С.* Имперская политика памяти на Кавказе: механизмы конструирования массового исторического сознания (XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. – 2020. – № 2 (64). – С. 131–154.

Копосов 2013 – *Копосов Н.* Исторические понятия в мире без будущего // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 57–93.

Кръстев 2003 – *Кръстев Д.* Канон и/или агон. Литературноисторическите (ре)конструкции // Култура и критика. Т. 3. Краят на модерността? / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. – Варна: LiterNet, 2003. – С. 416–449.

Леонтьева 2015 – *Леонтьева О.Б.* "Мемориальный поворот" в современной российской исторической науке // Диалог со временем. – 2015. – № 50. – С. 59–96.

Маркава 2012 – *Маркава А.* Гістарычная свядомасць як прадмет самарэфлексіі ў чэшскай гістарыяграфіі // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2012. – Т. 19. – Сш. 1–2. – С. 179–212.

Маркедонов 2015 – *Маркедонов С.М.* Праздники и памятные даты постсоветского Закавказья: история и политика // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2015. – № 3. – С. 273–285.

Миллер 2009 – *Миллер А.И.* Россия: Власть и история // Pro et Contra. – 2009. – № 3–4. С. 6–23.

Нечаев, Леонова 2021 – *Нечаев Д.Н., Леонова О.В.* Мемориальная культура и политическая мифология: политика памяти в сфере государственного управления России и государств постсоветского пространства // Вестник Поволжского института управления. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 12–21.

Сагановіч 2010 а – *Сагановіч Г.* Беларуская гістарыяграфія ў ацэнках яе гісторыкаў // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2010. – Т. 17. – Сш. 1–2. – С. 225–229.

Сагановіч 2010 б – Сагановіч Г. Танэнберг / Грунвальд / Дуброўна 1410: сімвалізацыя бітвы ў Беларусі // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2010. – Т. 17. – Сш. 1–2. – С. 89–116.

Сагановіч 2012 – Сагановіч Г. Палітычны міф у гістарычнай памяці і гісторыяпісанні // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2012. – Т. 19. – Сш. 1–2. С. 213–238.

Сагановіч 2013 – Сагановіч Г. Безуладдзе і праўладнасць беларускіх гісторыкаў // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2013. – Т. 20. – Сш. 1–2. – С. 173–188.

Семененко 2020 – Семененко И.С. Политика памяти в Европе и европейская политика памяти: нарративы и ориентиры // Дневник Алтайской школы политических исследований. – 2020. – № 36. – С. 23–31.

Шапинская 2019 – Шапинская Е.Н. Образы прошлого в (пост)современных репрезентациях // Культура и искусство. – 2019. – № 9. – С. 70–82.

Шнирельман 2003 – Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. – 591 с.

Kirchanov 2013 – Kirchanov M. The Caucasian and the Russian in contemporary Georgian nationalism // Central Asia and the Caucasus. – 2013. – Vol. 14. – No 4. – P. 101–109.

REFERENCES

AYMERMACHER K., BORDYUGOV G. «Svoyo» i «chuzhoye» proshloye [“Own” and “foreign” past]. In: Natsional'nyye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh / red. K. Aymermakher, G. Bordyugov; predisl. F. Bomsdorfa. – M.: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-XX, 2003. – S. 14–17. (In Russ.).

BORDYUGOV G., BUKHAREV V. Natsional'naya istoricheskaya mysl' v usloviyakh sovetского времени [National historical thought in the Soviet era]. In: Natsional'nyye istorii v sovetskom i postsovet skikh gosudarstvakh / red. K. Aymermakher, G. Bordyugov; predisl. F. Bomsdorfa. – M.: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-XX, 2003. – S. 21–72. (In Russ.).

DOSS F. Kak segodnya pishetsya istoriya: vzglyad s frantsuzskoy storony [How history is written today: a view from the French side]. In: Kak my pishem istoriyu / otv. red. G. Garreta, G. Dyufo, L. Pimenova. – M.: ROSSPEN, 2013. – S. 9–56. (In Russ.).

GATAGOVA L. Severnyy Kavkaz: metamorfozy istoricheskogo soznaniya [North Caucasus: metamorphoses of historical consciousness]. In: Natsional'nyye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh / red. K. Aymermakher, G. Bordyugov; predisl. F. Bomsdorfa. – M.: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-XX, 2003. – S. 255–272. (In Russ.).

KIRCHANOV M. The Caucasian and the Russian in contemporary Georgian nationalism. In: Central Asia and the Caucasus. – 2013. – Vol. 14. – No 4. – P. 101–109. (In Russ.).

KIRCHANOV M.V. "Politika proshlogo" v sovremennoy Gruzii, ili kak SMI i publichnyye politiki formiruyut kollektivnyye predstavleniya o proshlom [“Politics of the past” in modern Georgia, or how the media and public politicians form collective ideas about the past]. In: Dialog so vremenem. – 2016. – № 56. – S. 374–395. (In Russ.).

KIRCHANOV M.V. "Tskhinval'skiy region" i "Avtonomnaya Respublika Abkhaziya" kak "mesta pamyati" i izobretennyye traditsii v sovremennom gruzinskom politicheskom voobrazhenii (2018-2019) [“Tskhinvali region” and “Autonomous Republic of Abkhazia” as “places of memory” and invented traditions in the modern Georgian political imagination (2018-2019)]. In: Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. – 2020. – Т. 4. – № 3. – S. 327–333. (In Russ.).

KIRCHANOV M.V. Dikhotomiya "Yevropa – Rossiya" kak izobretennaya traditsiya sovremenного gruzinskogo natsionalizma [Dichotomy “Europe - Russia” as an invented tradition of modern Georgian nationalism]. In: Mezhdunarodnaya analitika. – 2021. – Т. 12. – № 1. – S. 35–54. (In Russ.).

KIRCHANOV M.V. Istoricheskaya politika v natsional'nykh respublikakh Kavkaza: kommemorativnyye praktiki kak izobretennyye traditsii [Historical Politics in the National Republics of the Caucasus: Commemorative Practices as Invented Traditions]. In: Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya". – 2020. – № 1. – S. 219–236. – DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-219-236 (In Russ.).

KOLOSOSKAYA T.A., TKACHENKO D.S. *Imperskaya politika pamyati na kavkaze: mekhanizmy konstruirovaniya massovogo istoricheskogo soznaniya (XIX – nachalo XX vekov) [Imperial Politics of Memory in the Caucasus: Mechanisms for the Construction of Mass Historical Consciousness (XIX - early XX centuries)]*. In: *Novyi istoricheskiy vestnik*. – 2020. – № 2 (64). – S. 131–154. (In Russ.).

KOPOSOV N. *Istoricheskiye ponyatiya v mire bez budushchego [Historical concepts in a world without a future]*. In: *Kak my pishem istoriyu / otv. red. G. Garreta, G. Dyufu, L. Pimenova*. – M.: ROSSPEN, 2013. – S. 57–93. (In Russ.).

KRÜSTEV D. *Kanon i/ili agon. Literaturnoistoricheskite (re)konstruktsii [Canon and / or agon. Literary-historical (re) constructions]*. In: *Kultura i kritika*. T. 3. *Krayat na modernostta? / süst. A. Vacheva, G. Chobanov*. – Varna: LiterNet, 2003. – S. 416 – 449. (in Bulgarian).

LEONT'YEVA O.B. *"Memorial'nyi povorot" v sovremennoy rossiyskoy istoricheskoy nauke ["Memorial turn" in modern Russian historical science]*. In: *Dialog so vremenem*. – 2015. – № 50. – S. 59–96. (In Russ.).

MARKAVA A. *Historyčnaja sviadomasć jak pradmiet samarefliksii ũ češskaj historyjahrafii [Historical consciousness as a subject of self-reflection in Czech historiography]*. In: *Biellaruski Historyčny Ahliad*. – 2012. – T. 19. – Sš. 1–2. – S. 179–212. (in Belarusian).

MARKEDONOV S.M. *Prazdniki i pamyatnyye daty postsovetskogo Zakavkaz'ya: istoriya i politika [Holidays and memorable dates of the post-Soviet Transcaucasia: history and politics]*. In: *Neprikosnovennyi zasap. Debaty o politike i kul'ture*. – 2015. – № 3. – S. 273–285. (In Russ.).

MILLER A.I. *Rossiya: Vlast' i istoriya [Russia: Power and history]*. In: *Pro et Contra*. – 2009. – № 3–4. – S. 6–23. (In Russ.).

NECHAYEV D.N., LEONOVA O.V. *Memorial'naya kul'tura i politicheskaya mifologiya: politika pamyati v sfere gosudarstvennogo upravleniya Rossii i gosudarstv postsovetskogo prostranstva [Memorial Culture and Political Mythology: The Politics of Memory in the Sphere of Public Administration in Russia and the States of the Post-Soviet Space]*. In: *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*. – 2021. – T. 21. – № 1. – S. 12–21. (In Russ.).

SAHANOVICH H. *Biellaruskaja historyjahrafija ũ acenkach jaje historykaŭ [Belarusian historiography in the estimations of its historians]*. In: *Biellaruski Historyčny Ahliad*. – 2010. – T. 17. – Sš. 1–2. – S. 225 – 229. (in Belarusian).

SAHANOVICH H. *Biezuladdzie i praŭladnasć biellaruskich historykaŭ [Anarchy and the rule of Belarusian historians]*. In: *Biellaruski Historyčny Ahliad*. – 2013. – T. 20. – Sš. 1–2. – S. 173–188. (in Belarusian).

SAHANOVICH H. *Palityčny mif u historyčnaj pamiaci i historyjapisanni [Political myth in historical memory and historiography]*. In: *Biellaruski Historyčny Ahliad*. – 2012. – T. 19. – Sš. 1–2. – S. 213–238. (in Belarusian).

SAHANOVICH H. *Tanenbierh / Hrunvałd / Dubroŭna 1410: simvalizacyja bitvy ũ Bielarusi [Tannenberg / Grunwald / Dubrowna 1410: symbolization of the battle in Belarus]*. In: *Biellaruski Historyčny Ahliad*. – 2010. – T. 17. – Sš. 1–2. – S. 89–116. (in Belarusian).

SEMENENKO I.S. *Politika pamyati v Yevrope i yevropeyskaya politika pamyati: narrativy i oriyentiry [The Politics of Memory in Europe and the Politics of Memory in Europe: Narratives and Landmarks]*. In: *Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy*. – 2020. – № 36. – S. 23–31. (In Russ.).

SHAPINSKAYA E.N. *Obrazy proshlogo v (post)sovremennykh reprezentatsiyakh [Images of the past in (post)modern representations]*. In: *Kul'tura i iskusstvo*. – 2019. – № 9. – S. 70–82. (In Russ.).

SHNIREL'MAN V.A. *Voyny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'ye [Memory Wars: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia]*. – Moscow: Akademkniga, 2003. – 591 s.

Информация об авторе

М.В. Кирчанов – доктор исторических наук.

Information about the author

M.V. Kirchanov – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 06.04.2022 г.; одобрена после рецензирования 15.05.2022 г.; принята к публикации 07.06.2022 г.

The article was submitted 06.04.2022; approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 07.06.2022.